

Богомолов Игорь Константинович

САРАЕВСКОЕ ПОКУШЕНИЕ 28 ИЮНЯ 1914 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

В статье анализируется реакция русской печати на убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. Сараевская трагедия привлекла еще большее внимание русского общества к Балканам, внутренней и внешней политике Сербии и Австро-Венгрии. В условиях нового австро-сербского конфликта ведущие русские издания занимали последовательно просербскую позицию и жестко критиковали "венских шовинистов" за нескрываемое желание "разобраться" с южным соседом. Вместе с тем, русская печать недооценила как решимость Вены, так и роль Германии в развязывании европейской войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 31-35. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

культуры XIX века определяется не только высочайшим художественным уровнем литературных, музыкальных, живописных произведений, но и тем, что на них, благодаря синергичному эффекту, лежит отблеск исихастского света, указывающего путь к «золотым» вершинам. При таком прочтении понятие синергии расширяется, из чисто православного, мистико-аскетического, превращаясь в символ единства всей русской культуры XIX века, согретой исихастским светом высокой духовности, нравственности и величия человека.

Список литературы

1. Берсенева Т. П. Исихастско-синергичное ядро русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). С. 16-19.
2. Берсенева Т. П. Синергия в древнерусской иконописи // Вестник Забайкальского государственного университета. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. № 10 (101). С. 95-101.
3. Берсенева Т. П. Феномен синергии: опыт культурфилософского анализа. Омск: Изд-во СибГУФК, 2013. 136 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1972-1996.
5. Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература // Русская литература. 1989. № 3. С. 3-32.
6. Хоружий С. С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии [Электронный ресурс]. URL: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301 (дата обращения: 01.11.2013).
7. Хоружий С. С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/isihazm.html> (дата обращения: 01.11.2013).
8. Экономцев И. Н. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992. 233 с.

PHENOMENON OF SYNERGY IN F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORK

Berseneva Tat'yana Pavlovna, Ph. D. in Philosophy
Siberian State University of Physical Education and Sport, Omsk
taniabers@list.ru

The article suggests the definition of synergy as a joint action, the interaction of different potencies or energies, having general orientation to the ideal, with the simultaneous achievement of synergetic effect. Since the spread of synergetic ideals in the Russian culture is not notable for stability and consistency, then three periods of the most striking manifestations of synergy are singled out. The author advances the idea that one of these periods was related to the XIXth century of the Russian culture. Synergetic ideals found their fullest expression in the creative work of F. M. Dostoyevsky.

Key words and phrases: synergy; Hesychasm; Russian culture; synergetic interaction; synergetic effect; F. M. Dostoyevsky.

УДК 94(100)"1914/19"

Исторические науки и археология

В статье анализируется реакция русской печати на убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. Сараевская трагедия привлекла еще большее внимание русского общества к Балканам, внутренней и внешней политике Сербии и Австро-Венгрии. В условиях нового австро-сербского конфликта ведущие русские издания занимали последовательно просербскую позицию и жестко критиковали «венских шовинистов» за нескрываемое желание «разобраться» с южным соседом. Вместе с тем, русская печать недооценила как решимость Вены, так и роль Германии в развязывании европейской войны.

Ключевые слова и фразы: Австро-Венгрия; Германия; Первая мировая война; Российская империя; русская печать; сараевское убийство; Сербия; Франц-Фердинанд.

Богомолов Игорь Константинович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
boga_igor@mail.ru

**САРАЕВСКОЕ ПОКУШЕНИЕ 28 ИЮНЯ 1914 Г.
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ**©

28 июня 1914 г. (по новому стилю) сербский студент Г. Принцип расстрелял в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. Дерзкое покушение произвело в Европе эффект разорвавшейся бомбы, новости из Сараево не сходили с первых полос крупнейших европейских изданий. Наиболее резкую и однозначную реакцию трагедия вызвала в официозных изданиях Австро-Венгрии и Германии, которые прямо обвиняли сербское правительство в пособничестве террористам. Австрийская и немецкая печать открыто призывала «покончить» с Сербией как с главной угрозой Габсбургской империи. Печать стран Антанты, в свою очередь, не отвечала на эти выпады, а на первых порах даже признавала за Сербией часть вины за «роковые выстрелы». Не были исключением и крупнейшие русские издания, занимавшие последовательно просербскую позицию.

Петербургское «Новое время» признавало, что Франц-Фердинанд не был «в числе друзей России», но русское общественное мнение «не может не испытывать чувства глубокой скорби перед его трагическим концом и негодования к убийцам, в фанатическом ослеплении сеющим смерть направо и налево» [14, с. 3]. Издание в первые дни фактически принимало первоначальную версию покушения – слишком явно вырисовывалось стремление сербского националиста устранить главное препятствие в деле создания «великой Сербии». Речь шла в первую очередь о последствиях этого убийства для европейской безопасности. В статье «Славянская беда» обозреватель А. Столыпин предупреждал о неизбежном ухудшении отношения к Сербии и сербскому народу вообще после сараевских событий. По его мнению, только «славянский подвиг», а не «славянский террор» приблизит лучшие для славянских народов времена [26, с. 2].

«Русское слово» также отмечало совершенную бессмысленность убийства Франца-Фердинанда для «великосербского движения». На фоне некоторого ослабления гонений на славянские народы Австро-Венгрии покушение лишь ухудшило их положение. С другой стороны, московское издание считало «подозрительным» стремление «патентованных патриотов дунайской монархии» поскорее переложить ответственность за убийство «с пылких голов нескольких безумцев на плечи целой сербской нации». Сам факт двойного покушения на наследника престола бросал тень на австрийскую полицию, не сумевшую адекватно среагировать на угрозу монарху. К тому же, по мнению сытинской газеты, «венские и пештские провокаторы» сами немало поспособствовали появлению «великосербской пропаганды» [10, с. 2].

Пристальное внимание было привлечено к персоне убитого эрцгерцога. В первую очередь некрологи касались его политических взглядов, а также характера, во многом формировавшего политику Австро-Венгрии последних лет. По мнению «Нового времени», он отличался «подозрительностью и раздражительностью», с трудом доверял людям. Франц-Фердинанд «не любил» венгров и «особенно раздражительно» относился к сербам, считая их главными врагами австрийской монархии [12, с. 2]. «Русское слово» тоже не лестно отзывалось о наследнике Габсбургской короны. Как отмечает издание, уже в молодые годы эрцгерцог отличался «сумрачным характером и был фанатично настроен». В зрелом возрасте его характер не изменился: он «по-прежнему был задумчив, молчалив, скрытен». Ярый приверженец католической веры, он с недоверием относился к протестантским Германии и Франции, что накладывало отпечаток даже на его взаимоотношения с ближайшим союзником монархии. Вокруг эрцгерцога группировалась католическая партия, стремившаяся к уменьшению влияния православия на окраинах империи. В последние перед смертью годы Франц-Фердинанд являлся «активным австрийским националистом, антисемитом, клерикалом, –душой» гонений на боснийских и герцеговинских славян» [9, с. 2].

Ряд материалов касался прохладного отношения подданных к будущему императору. Характерны в этом смысле репортажи из Вены корреспондента «Русского слова» Л. Соколовского. По его наблюдениям, смерть эрцгерцога не вызвала у жителей Вены особенного сочувствия. В то же время смерть в 1889 г. кронпринца Рудольфа при загадочных обстоятельствах стала для них куда большим потрясением. Венцы «знали, что Франц-Фердинанд – клерикал, что он в руках монахов и иезуитов». Припомнили эрцгерцогу и его холодность в отношении с подчиненными, ханжество, безжалостность в отношении подсудимых, «совершенное презрение» к простому народу и даже «излишне» консервативные взгляды на архитектуру. Все эти «недостатки» нарочито контрастировали с образом жителей Вены, которым «чужд клерикализм; они – не святоши, не ханжи, и жизнерадостный кронпринц (*Рудольф – И. Б.*), проводивший ночи напролет в отеле «Sacher» в веселой компании», был им симпатичнее, чем покойный эрцгерцог, на рассвете выходявший в свою домовую капеллу и требовавший того же от своих придворных. Но в первую очередь Франца-Фердинанда отдаляла от общества его политическая программа: «Венцам чужды империалистические амбиции. У них нет честолюбия смелой государственности». Все разорительные мобилизации, аннексии автор также считал инициативой эрцгерцога. Более того, Франц-Фердинанд «нарушал спокойствие венцев, создавал тревоги за будущее, посягал на их благополучие» и в целом был для жителей столицы «слишком неудобным, агрессивным» [29, с. 2]. Л. Соколовский также обращал внимание на массу недоразумений, возникших при похоронах эрцгерцога. По его мнению, причиной тому была не только нелюбовь к покойному наследнику, но и общее состояние Австрии: «нестройность и разрозненность этого государства проявились даже при этом исключительном случае» [22, с. 2].

Однако не все издания оценивали эрцгерцога только с отрицательной стороны. «Утро России» в серии статей о жизни эрцгерцога подчеркивает наличие у него несомненных положительных качеств. Наследник, вопреки отрицательному мнению императора Франца-Иосифа, женился по любви – на графине Софии Хотек, пойдя ради этого даже на такую жертву, как отказ от права передать австро-венгерский престол своим детям [5, с. 1]. Издание отмечает, что Франц-Фердинанд обладал «незаурядным военным дарованием», «свойством быстрой и верной ориентировки в положении, решимостью и планомерностью». От подчиненных он требовал «самостоятельности, инициативы и неутомимости». Кроме того, эрцгерцог отличался редким для любого правителя умением выслушивать дельные советы, при этом не поддаваясь влиянию окружающих [30, с. 1]. Однако «традиционный –друг» России» Вильгельм II сумел убедить молодого наследника, что главная угроза интересам Австро-Венгрии находится на Востоке, благодаря чему Франц-Фердинанд и стал горячим сторонником скорейшего разгрома России для установления гегемонии Австрии на Балканах. Именно Германия, по мнению «Утра России», стояла за всей антирусской политикой двуединой монархии [3, с. 2].

Орган московских кадетов – «Русские ведомости» – также отмечал ряд положительных качеств эрцгерцога. Решительность, настойчивость, властная натура, «которую еле сдерживали узкие рамки... престолонаследника» – все эти качества, возможно, отталкивали от эрцгерцога как от человека, но не были плохи для будущего правителя великой державы [28, с. 2]. К тому же не все его политические взгляды и проекты были

для национальных окраин неприемлемыми. Корреспондент П. Звездич в ряде статей упоминает об идеях триализма, которые покойный эрцгерцог «поддерживал» в целях сместить центр панславизма от Сербии к Хорватии и, в конечном счете, уничтожить «великосербское движение». Однако сараевское покушение заставило австрийскую политику «окончательно удалиться от того пути покровительства южным славянам, на который старался ее направить покойный Франц-Фердинанд». В целом он оценивался как «нормальный» политик, человек, которому были вполне присущи и достоинства, и недостатки, но последние не играли роковой роли в политике империи [19, с. 3].

Гораздо больше внимания «Русские ведомости» уделяли социальным причинам покушения. Тяготение сербского крестьянства Боснии к соседним Сербии и Черногории объяснялось не «угрюмой личностью» эрцгерцога, а тем, что аграрный вопрос в этих странах был решен «в пользу крестьян». От венской бюрократии ждали, по крайней мере, отмены полуфеодальных повинностей, оставшихся еще со времен турецкого владычества, однако дело в последние годы не двигалось с мертвой точки. Не способствовала лояльности населения и национально-религиозная политика правительства. Происходило, по мнению издания, насильственное «онемечивание» областей, заселенных православными сербами; для них практически не открывалось школ [Там же]. В то же время улучшение условий жизни сербов довольно быстро поспособствовало бы росту проавстрийских настроений. Тогда не было бы «ни пансербизма, ни панславизма, а был бы непоколебимый лоялизм в отношении Австро-Венгрии» [21, с. 2]. «Народное» недовольство австрийской политикой выразилось, в том числе, и в личном терроре националистических группировок против «оккупантов», жертвой чего и стал прибывший в Сараево эрцгерцог [6, с. 5]. Корреспондент «Русских ведомостей» П. Звездич большое значение также придавал устоявшимся представлениям населения об австрийцах вне контекста их политики. По его мнению, за 36 лет оккупации Боснии и Герцеговины Веней было сделано немало для развития этих территорий. В последние предвоенные годы «приглашали уже неоднократно европейских гостей, и им с гордостью показывали, что в разоренных и опустелых некогда местностях, где житья не было от расплодившихся змей, выросли благоустроенные села, что захудалые грязные города и деревни превратились в цветущие культурные центры» [21, с. 2]. Однако большая часть этих усилий не дала ощутимых перемен в настроениях населения. В Боснии ненависть к «австрияку» пересиливала любые, даже самые очевидные положительные моменты. В определенной степени к этому прикосновена и Сербия, которая ненавидела Австрию «с таким искренним волнением, что нельзя было видеть в этом позу» [11, с. 3]. Эти антиавстрийские настроения очень быстро передавались по ту сторону австро-сербской границы.

В первые дни после покушения в печати выражались определенные надежды на то, что смерть эрцгерцога повлияет на курс, проводимый Веней. Особенно это касается «Нового времени» и «Русского слова», для которых Франц-Фердинанд был олицетворением австрийской политики, проводившейся в последние перед убийством годы [7, с. 4]. Надежда была в первую очередь на то, что наиболее радикальные, одиозные и клерикальные силы, проводником идей которых и был Франц-Фердинанд, отойдут на второй план и уже не будут так влиять на австрийскую политику. На этом фоне в положительном свете печать выставляла императора Франца-Иосифа. Здесь сыграло свою роль сочувствие к престарелому монарху, уже не первый раз теряющему не просто родственников, но наследников своего престола [23, с. 4]. Кроме того, всеми изданиями подчеркивался более осторожный и умеренный взгляд Франца-Иосифа на внешнеполитические задачи Австро-Венгрии [8, с. 4].

Новый наследник австрийского престола Карл-Франц-Иосиф предстал на страницах газет как совершенно неподготовленный к государственным делам человек, однако его человеческие качества производили куда более благоприятное впечатление, чем характер покойного эрцгерцога. Жизнерадостная улыбка, занятия спортом, кутеж с офицерами – «все это придется по душе народу», так и не привыкшему к сумрачному и строгому стилю жизни Франца-Фердинанда. Однако отсутствие сформировавшихся политических взглядов вызывало в печати настороженность, так как окружение будущего императора могло из него «вылепить удобную им фигуру» [15, с. 2-3].

Стремительное усиление антисербских настроений в Австрии и прокатившаяся по Боснии и Герцеговине волна погромов значительно повлияли на тон русской прессы. «Новое время» еще незадолго до убийства эрцгерцога возмущалось преследованиями «видных славянских деятелей», запрещением славянских органов печати, съездов и собраний [4, с. 2-3]. Погромы были сразу восприняты изданием как часть заранее спланированной кампании против сербов. Доказательством тому было поведение властей и полиции, которые, несмотря на введенное военное положение, слишком мягко реагировали на «дикий разбой». Примечательна характеристика, данная «Новым временем» участникам погромов. Издание признавало, что «помощниками» властей в разгроме сербской общины были «все классы населения», вплоть до «изящных дам». Однако в большинстве своем погромщики состояли из «отбросов», «черни», «накипи», «цыган, евреев и мусульман» [2, с. 3; 13, с. 3; 20, с. 4]. И руководила ими либо «животная» ненависть к сербам, либо обыкновенная жажда наживы. Особо отмечалось, что «разбой, грабеж и смертоубийство совершались под пение австрийского гимна». Это, по мнению суворинской газеты, во многом символизировало и социальную базу австрийских властей в Боснии, и в целом – всю суть внутренней политики Вены и Будапешта на национальных окраинах [2, с. 3].

«Русское слово» также отмечало, что вокруг «еще не остывшего трупа эрцгерцога разыгралась отвратительнейшая оргия воинствующего патриотизма», для которой память о Франце-Фердинанде послужила лишь предлогом обнаружить свою «истинную сущность». Причем сам эрцгерцог представляется едва ли не жертвой общего антисербского заговора в венских правящих кругах. Высказывались сомнения относительно действий сараевской полиции, оказавшейся совершенно неготовой к возможным действиям террористов. «Подозрительной» была и осведомленность заговорщиков, положивших, если верить самим австрийским

следователям, бомбы по всему пути следования эрцгерцога. Покушение на наследника руками фанатиков позволяло достигнуть двух целей: избавиться от «нелюдимого», слишком высокомерного и независимого престолонаследника, а позже с помощью поднявшейся истерии покончить со «змеиным гнездом» – Сербией [26, с. 2]. Последняя задача рассматривалась русской печатью как едва ли не главная для Габсбургов и для дальнейшего существования их империи [25, с. 4].

К середине июля 1914 г. тема сараевского покушения постепенно отошла на второй план. Прекратились антисербские демонстрации в Боснии, несколько утихли воинственные призывы австрийской официальной печати [28, с. 2]. Вена взяла короткую паузу, чтобы затем сделать решающий шаг к войне с Сербией. Следует сказать, что русская печать охотно рассматривала эту паузу как надежду на разрешение конфликта мирным путем. Ни одно издание не верило в то, что Австрия сможет пойти на такой риск и начать войну с Россией из-за Сербии. Известный публицист М. Меньшиков еще 4 июля писал на страницах «Нового времени»: «Чего можно ждать в ближайшем будущем? Мне кажется, следует ждать заметного успокоения. Престарелый монарх Австро-Венгрии, начинавший было заслоняться слишком нервной и активной фигурой своего племянника, вернет себе полноту императорского авторитета, одним из высоких достоинств которого считается сдержанность и нелюбовь к авантюрам». В «наихудшем случае» корона перейдет к Карлу-Францу-Иосифу, который поневоле и в силу своего молодого возраста будет обязан следовать осторожной политике, полагал журналист [25, с. 4].

Несмотря на эти надежды, выпады в сторону политики Австрии на Балканах только усиливались. Как продолжение разгоревшейся «антиславянской» кампании расценивались новые «драконовские законы», которые планировалось принять в южных австрийских провинциях в ответ на убийство эрцгерцога. Печать также не сомневалась, что и без того «послушный» боснийский парламент будет распущен на неопределенное время [27, с. 2]. В сочетании с новостями о недавних погромах в Сараево посвященные Австрии статьи приобретали крайне эмоциональный, подчас открыто враждебный характер.

Видная роль в развитии австро-сербского конфликта отводилась печатью Германии. Франц-Фердинанд со своей неукротимой энергией и планами, «выходящими далеко за пределы даже пангерманизма», представлялся не самым удобным союзником для Берлина. Активно обсуждались в этот период взаимоотношения между Вильгельмом II и Францем-Фердинандом, складывавшиеся весьма непросто. Недоверие эрцгерцога к протестантской Германии сказывалось и на его взаимоотношениях с Вильгельмом II [12, с. 2]. Немаловажную роль здесь играло и стремление Франца-Фердинанда проводить более самостоятельную внешнюю политику. Вильгельм II, в свою очередь, был часто раздражен тем, что эта «самостоятельность» опиралась в основном на мощь германской армии [7, с. 4].

По общему мнению русских изданий, Германия оказала важнейшее, если не решающее влияние на Вену с тем, чтобы назревавший австро-сербский конфликт был улажен мирным путем. Очень символическим пресса посчитала отказ Вильгельма II присутствовать на похоронах Франца-Фердинанда. По мнению «Русского слова», это был явный признак того, что Германия «отнюдь не заинтересована в затеваемой графом Берхтольдом новой балканской аванюре» [18, с. 1], а потому «оказала немалую услугу делу сохранения мира» [17, с. 2]. Позиция Берлина «незамедлительно» сказалась и на поведении австрийцев. Уже 12 июля «Русское слово» заявило, что император Франц-Иосиф, на основании предоставленных ему результатов следствия, «убедился в полной несостоятельности» всех обвинений против Сербии [16, с. 5]. Однако русские газеты вовсе не собирались приписывать Германии пацифистские наклонности. «Новое время», к примеру, полагало, что для Берлина оказались попросту неподходящими как момент, так и повод для начала войны. Не было никакой уверенности, что следующая «авантюра» Вены не будет поддержана немцами. Напротив, суворинская газета продолжала вести своеобразную «хронику» подготовки Германии к будущему столкновению.

Убийство наследника одной из старейших монархий Европы могло привести к резкому обострению и без того напряженных отношений между державами Антанты и Тройственного союза. Однако незамедлительного объявления войны не последовало. Австро-Венгрия и Германия тщательно выбирали момент для решающего шага, сохраняя на словах возможность мирного исхода нового балканского кризиса. В условиях создавшейся неопределенности крупнейшие русские газеты последовательно выступали против обвинений в сторону Сербии и призывали к «объективному» суду над заговорщиками. Следует отметить, что ни одно русское издание в полной мере не предвидело, к каким последствиям приведет сараевское покушение. Выражая возмущение ответными репрессиями австрийских властей, русская печать в то же время была склонна к примирительному диалогу и выражала надежду, что австрийцы «одумаются» и отступят перед реальной угрозой европейской войны. В то же время печать недооценила роль Германии в австро-сербском конфликте. Позиция Берлина представлялась более взвешенной и обособлялась от «необдуманных» действий Вены. Даже «Новое время», жестко и систематически критиковавшее внешнюю политику Германии, стало выражаться в сторону Берлина гораздо осторожнее и тактичнее. В конечном счете, печать ожидала от Германии «усмирения» своего союзника, так как повод и время для начала большой войны представлялись «не слишком удобными» для немцев. Австрийский ультиматум Сербии нанес сокрушительный удар по этим иллюзиям.

Список литературы

1. **Австрийские меры против сербского народа и великосербской идеи** // Новое время. 1914. 20 июля.
2. **Австро-Венгрия и европейское общественное мнение** // Новое время. 1914. 2 июля.
3. **Берлин и отцы-иезуиты** // Утро России. 1914. 3 июля.
4. **Борьба со славянством в Австрии** // Новое время. 1914. 29 июня.
5. **Брак эрцгерцога Франца-Фердинанда** // Утро России. 1914. 3 июля.

6. В Босно-Герцеговине // Русские ведомости. 1914. 24 июля.
7. Габсбургское горе // Новое время. 1914. 2 июля.
8. Две австрийские политики // Новое время. 1914. 14 мая.
9. Жертва национализма // Русское слово. 1914. 1 июля.
10. Злое дело // Русское слово. 1914. 30 июня.
11. Истинные виновники // Русские ведомости. 1914. 11 июля.
12. К кончине эрцгерцога Франца-Фердинанда // Новое время. 1914. 30 июня.
13. Кулисы боснийских погромов // Новое время. 1914. 4 июля.
14. Новое время. 1914. 29 июня.
15. Новый наследник // Русское слово. 1914. 17 июля.
16. Отступление Австрии // Русское слово. 1914. 12 июля.
17. Отступление венских шовинистов // Русское слово. 1914. 5 июля.
18. Печальные плоды // Русское слово. 1914. 3 июля.
19. Печать о причинах и следствиях убийства // Русские ведомости. 1914. 20 июня.
20. Погром в Сараеве // Новое время. 1914. 7 июля.
21. Положение крестьян в Боснии и Герцеговине // Русские ведомости. 1914. 2 июля.
22. Похороны по третьему разряду // Русское слово. 1914. 9 июля.
23. Роковой синодик Габсбургов // Новое время. 1914. 4 июля.
24. Сербский погром в Сараеве // Русские ведомости. 1914. 4 июля.
25. Сеющие ветер // Новое время. 1914. 4 июля.
26. Славянская беда // Новое время. 1914. 30 июня.
27. Судьбы Боснии и Герцеговины // Новое время. 1914. 13 июля.
28. Трагедии венского Гофсбурга // Русские ведомости. 1914. 2 июля.
29. Франц-Фердинанд и венцы // Русское слово. 1914. 7 июля.
30. Эрцгерцог Франц-Фердинанд – как солдат // Утро России. 1914. 3 июля.

SARAJEVO ATTEMPT OF 28 JUNE 1914 AND ITS CONSEQUENCES ACCORDING TO RUSSIAN PRESS

Bogomolov Igor' Konstantinovich

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
boga_igor@mail.ru*

The article analyses the response of the Russian press to the assassination of Archduke Franz Ferdinand in Sarajevo on 28 June 1914. The tragedy in Sarajevo attracted more attention of the Russian society to the Balkans, foreign and home policy of Serbia and Austro-Hungary. In the conditions of this new Austro-Serbian conflict the leading Russian publishing houses took the Pro-Serbian position and strongly criticized the Viennese chauvinists for undisguised desire to put their south neighbor in his place. At the same time the Russian press underestimated both the determination of Vienna and the role of Germany in launching the European war.

Key words and phrases: Austria-Hungary; Germany; First World War; Russian Empire; Russian press; Sarajevo assassination; Serbia; Franz Ferdinand.

УДК 78.40

Искусствоведение

Статья содержит рассмотрение историко-культурных предпосылок формирования методической базы воспитания исполнителей-инструменталистов Восточной Галиции и Буковины в XIX веке. В ней сделан обзор основных разновидностей пособий, учебников, школ, самоучителей европейских и региональных специалистов, по которым велось обучение в ведущих центрах профессионального музыкального образования. Новизна статьи заключается в компаративном анализе работ, отражающих комплексную систему составляющих формирования исполнителя-инструменталиста в русле философско-эстетических позиций данной эпохи.

Ключевые слова и фразы: инструментальная школа; методическая литература; школьное музыкальное образование; профессиональное исполнительство; традиции концертирования; формирование методической базы.

Величко Оксана Богдановна

*Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украина
oksa.vel@mail.ru*

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕДУЩИХ ЦЕНТРОВ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ И БУКОВИНЫ В XIX ВЕКЕ©

Процессам воспитания профессионального исполнителя-инструменталиста в конце XVIII – первой половине XIX в. на западно-украинских территориях (прежде всего в Восточной Галиции и Буковине) присуща